

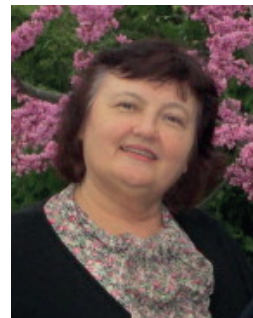
CAUCASICA: КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ

ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского
и иностранного языков и литературы
Краснодарского государственного института культуры
Краснодар, Россия

Elena Yu. TRETIAKOVA

Dr. Sci. (Journalism), Prof.,
Department of the Russian and Foreign Languages and Literature,
Krasnodar State Institute of Culture
Krasnodar, Russia
drevo_rechi@mail.ru

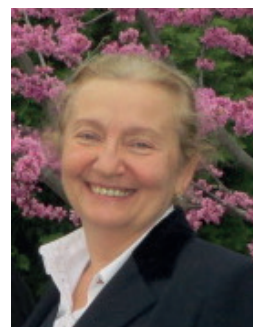

СПАЧИЛЬ Ольга Викторовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Кубанского государственного университета,
Краснодар, Россия

Olga V. SPACHIL

Cand. Sci. (Germanic Languages), Assoc. Prof.,
Department of English Philology, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
spachil.olga0@gmail.com

Межкультурные установки «Очерков Кавказа» Е. Л. Маркова

Переизданная в рамках серии классических кавказоведческих трудов (вып. IX «Кавказ: Музей мировой истории», 2011) книга Е. Л. Маркова продолжила знакомство современного читателя с системой взглядов известного общественного деятеля и публициста. Хотя современные справочники и энциклопедии характеризуют Е. Л. Маркова как крымоведа, «Очерки Кавказа» (1887) не менее информативны в плане запечатленных ими картин, сюжетов и идей. В книге нашёл своё отражение напряжённый поиск баланса межкультурных установок, способных развить в правильном русле и упрочить дружественный диалог многочисленных народов. Авторы статьи показывают историческое место данного труда в изучении Кавказа, раскрывают актуальность выраженной в нём системы просвещённых взглядов на задачи экономической политики и культурное взаимодействие народов нашей многонациональной страны.

Ключевые слова: «Очерки Кавказа», Е. Л. Марков, жанр путевых заметок, кавказоведение, межкультурный диалог.

Intercultural Attitudes of «Essays on the Caucasus» by Evgeny L. Markov

Reprinted in the framework of the series of classical Caucasian studies (issue IX «Caucasus: Museum of the World History», 2011), the book of Evgeny L. Markov continued the acquaintance of the modern reader with the system of views of this well-known public figure and publicist. Although modern reference books and encyclopaedias characterize Evgeny L. Markov as a Crimean scholar, «Essays on the Caucasus» (1887) are no less informative in terms of the pictures, plots and ideas they have captured. The book reflects the intense search for a balance of intercultural attitudes, capable of developing in the right direction and strengthening the friendly dialogue of the numerous peoples. The authors of the article show the historical place of this work in the study of the Caucasus and reveal the relevance of the system of enlightened views on the tasks of economic policy and the cultural interaction of the peoples of our multinational country expressed in the book.

Keywords: Essays on the Caucasus, Evgeny L. Markov, the genre of travel writing, Caucasian Studies, intercultural dialogue.

«Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории» Евгения Львовича Маркова (1835–1903) увидели свет в 1887 г. [4]. Об их большом успехе в досоветское время свидетельствовало то, что они ещё дважды тиражировались (1904, 1913). Потом книга выпала из научного и читательского оборота. Недавно предпринятый многотомный проект переиздания трудов о Кавказе (вып. IX «Кавказ: Музей мировой истории», 2011 г.) [3] снова дал читателям возможность и удовольствие взять в руки интересную книгу, состоящую из небольших, в размер газетного очерка, главок, как бусины, нанизанных на нитку маршрута, пролегающего от Ростова через Кубань до Владикавказа и далее до Осетии, Грузии, Чечни, Дагестана. По доступности и живости слога очерки напоминают устный рассказ (так строились впоследствии знаменитые телевизионные эссе Ираклия Андроникова) человека, впитавшего массу самых разнообразных впечатлений от совершённой им поездки к отрогам Кавказа по территории, опоясывающей восточные берега Чёрного моря. Речевой портрет путешественника выдаёт личность образованную, жаждущую «объективного знакомства со своей страной» и её историей, отраженной в археологии, материальных и фольклорных памятниках «стомиллионного народа». Автор не устает повторять, что Кавказ – бесценный по богатству и разнообразию музей этнографических и естественно-исторических сокровищ всякого рода [3, 9], истинно вавилонское смешение языков и обычаев, результат тысячелетнего влияния друг на друга различных племён и событий, игравших роль в почтенных летописях мира [3, 127].

Не всякий гостящий в чужих краях способен мыслить так, чтобы за пёстрой канвой дорожных встреч и впечатлений просматривалось нечто общее. Интересом к этому общему и отличается внимательный к своим попутчикам и встречным путешественник. «Очерки» погружают нас в калейдоскоп многофигурного действия, где пейзажные и бытовые картины соединены с экскурсами в область легендарного прошлого. Делясь своими размышлениями о подвижках в экономическом и социальном укладе жизни степных и горных районов края, Марков пытается разомкнуть европейское соизмерение жизни, создать панораму более широкую, объемлющую звенья многовековой цепи людей и народов. Хотя настрой «Очерков

Кавказа» вовсе не патриархален, автор справедливо выступает против ломки и перемалывания векового наследия в угоду наживе и хищнической эксплуатации природных и культурных источников местного богатства. Он дорожит мыслью о том, что цивилизация, вливаясь в неосвоенные ею страны, не должна «исковеркать все доброе, что лежит в природе этих отсталых племён»:

«Поменьше грубой ломки, поменьше торпливости и выдумок, побольше терпения и уважения к исторической жизни народов – вот каков должен быть характер наших кавказских мероприятий <...> Энергия же наших правителей должна обратиться не на искусственное перекраивание существующих племён по образу и подобию нашему, а на нравственную доброкачественность тех деятелей, которых мы призываем к делу цивилизации Кавказа. Если наши интенданты, строители, управители не будут воспитывать кавказские народности в обычаях хищничества и обмана, если в лице их и подобных им не будет безнаказанно торжествовать и издеваться над правдой неправда, если источники местного богатства – земли, леса, рыбная ловля, нефтяные источники Кавказа – не будут легкомысленно бросаемы в жертву личной корысти <...> если ко всякому делу будут призываться не лезть и бездарность, а честные силы труда и знания <...> тогда можно будет сказать, что русская власть на Кавказе повела народности <...> по истинному пути просвещения и благоденствия, тогда можно будет ручаться, что Кавказские горы станут действительно русскими горами» [3, 482–484].

В свете означенных установок категория *русские* приобретает устойчивый смысл как призма нравственной позиции человека (личности) и эпицентр лучших чаяний стомиллионного народа.

Главная одушевляющая мысль путешествия неразрывна с описаниями просторов, которые учат щедрости и красоте: *«Только побывав в счастливых далеких окраинах, где еще вода, земля и воздух не покупаются на вес золота, поймет человек не теоретической мыслью, а всеми нервами своего существа, какое великое, высокочеловеческое условие довольства и удобства заключается в свободном владении человека земной поверхностью, назначенной ему от Бога» [3, 38–39].* И фундамент культурных напластований мыслится как опора, по вечности

своей подобная неколебимым природным громадам заоблачных великанов-гор.

Корень, питающий самоидентичность разноликих народностей, способных и под натиском цивилизации не стать стертой, однообразной, рабски неразвитой массой, Е. Л. Марков усматривает в нравственно здоровых началах традиционной культуры. Защищаемый им идеал неразлучен с естественными проявлениями красоты, природного ума и сноровки. Любуясь этой красотой, автор употребляет слова *дикий, дичь* без уничижительного оттенка («Поэзия пустынных гор и диких лесов, вечная борьба со зверем и с природой дорожке сердцу горца, чем даже кусок хлеба» [3, с. 81]), чего не скажешь об употреблении эпитетов *казённый, чиновничий, хищнический, капиталистический*, характеризующих кое-как, наспех внедряемые признаки цивилизованности.

Граждански-весомое, поэтичное и целостное развитие идей межкультурного диалога характеризует Е. Л. Маркова как интереснейшего общественного деятеля и писателя. Недаром его статьи в своё время печатались «Отечественными записками» наряду с очерками Салтыкова-Щедрина и Михайловского. Публицист, литературный критик и автор художественной прозы, Марков был широко известен во второй половине XIX века [1], пользовался заслуженным уважением В. В. Розанова [7] и А. П. Чехова, который назвал его «писакой искренним и понимающим».

В одном из писем Чехова к жене, Ольге Леонардовне (от 17 янв. 1903 г.) отмечено характерное свойство путевых очерков Маркова – увлекательность, тянущая писать и странствовать: «Вчера на ночь я читал в “Вестнике Европы” статью Евг. Маркова о Венеции. Марков старинный писака, искренний, понимающий, и меня под его влиянием вдруг потянуло, потянуло!» [9, с. 127].

Путешественник наблюдает из окна вагона привычные взгляду просторы степи, южные русские города (Ростов) и сёла по берегам Дона и Кубани, их трудолюбивых обитателей – земледельцев и скотоводов. За Терекком начинается царство гор и жизнь, издревле угнездившаяся меж обрывами и подножиями снеговых вершин. По извилистым дорогам, где камень сменяется вечным льдом труднодоступных перевалов, идёт путь вверх до выдолбленных в скалах жилищ и глинобитных аулов («между

горской саклей и пещерой почти нет разницы») и вниз до пышных садов, виноградников, благоустроенных усадеб и крестьянских хозяйств Имеретинской долины. По сторонам дороги то поросшие дикими травами склоны и ущелья, где кочуют отары и табуны, то непролазные чащобы, где обитают барсы, кабаны, медведи, турьи стада. В горах главная фигура – охотник и воин, ловкий наездник, приученный сызмальства к седлу.

И сделанные автором зарисовки местной жизни – отнюдь не бездумно скопированная череда сменяющихся картин, а напряжённый поиск баланса межкультурных установок, способных развить в правильном русле и упрочить дружественный диалог многочисленных народов. Хотя Россия и Кавказ в этом взаимодействии – два полюса, автор не смещает оценку увиденного и прочувствованного к одному из полюсов, не редуцирует один голос за счет другого. Ему важно показать обретенное в странствиях как глазами гостя, так и глазами завсегдадая здешних мест. Это особенно хорошо заметно в части, подытоживающей проделанный путь.

«Какое-то неизъяснимое сладкое чувство овладевает моей русской душой, когда, после долгих скитаний среди чуждых мне лиц, чуждого языка, чуждых обычаев, я наконец чувствую кругом себя всё шире и шире разливающееся море моей родной русской народности, когда всё кругом делается мне привычно, любо, понятно – и меткая звучная речь, и знакомый взгляд бойких глаз, и чашка горячих щей, с давно забытым чёрным хлебом, и родной наряд, и вся близкая сердцу обстановка милой мне с детства жизни: этот огромный благовест колокола, этот ярко сверкающий крест храма, эта по полю несущаяся, за душу хватающая, душу надрывающая родная русская песня... Чем-то скучным, противным и жалким, каким-то молчаливым прозябанием животного кажется мне теперь унылый быт горского аула, которые и здесь кое-когда ещё попадают на нас среди шумных казачьих станиц; я начинаю чувствовать всеми инстинктами своего русского организма какое-то беспричинное отвращение, какое-то потаённое недружелюбие, не покоряющееся никаким убеждениям рассудка, к тем чуждым для меня народностям, которых поселения чередуются здесь иногда с русскими селами и которые являются для меня невольным противоречием и отрицанием всего моего, русского...

Не сомневаюсь, что то же самое чувство инстинктивной вражды и отчуждённости ко всему русскому, настолько же законное и естественное, наполняет душу какого-нибудь ингуша или чеченца, когда он проезжает в свой тихий, сердцу любезный аул через шумные улицы казачьей станицы с её пьянством и песнями...» [3, 493].

Отнюдь не шаткость авторской точки зрения отражена в таком перемещении повествовательной позиции. Свои личные убеждения Марков, учёный-естественник по образованию и активный проводник идей народного просвещения по призванию, сформировал в результате активной педагогической практики, которой отдал более полутора десятков лет жизни. Не приемля народнические взгляды на героя и толпу (концепцию, сформулированную П. Л. Лавровым и его единомышленниками), Евгений Львович в молодости заинтересовался сутью яснополянских педагогических экспериментов Л. Н. Толстого. Марков-путешественник не заглушил в себе педагогическую струнку – тот особый интерес к практикам воспитания, которые соединяют возможность естественного развития с возможностью деятельно служить благим общественным целям. Уже в ранних своих статьях он высказывался за то, чтобы не отрывать людей «от жизненной почвы»: воспитанники современной школы не должны становиться «гражданами безвоздушного пространства», подчинёнными «деспотизму книжки».

А кем же должны они стать? Ответу на этот вопрос служили практические начинания в педагогике и активное участие в книжно-журнальном процессе. Евгений Львович превращал свои путешествия по России и зарубежным странам в циклы бытовых, историко-краеведческих, пейзажных зарисовок, затрагивавших самую острую гражданскую и культурную тематику. Впервые его платформа воззрений на устройство «общественного быта» предстала читателю в «Очерках Крыма» (1874; переизд. 1884, 1902, 1911, 1913 и в 1995 г.) [5], которые ныне воспринимают как визитную карточку автора. Интернет-источники [7] характеризуют Маркова исключительно как крымоведа; в диссертации о крымском тексте русской культуры А. П. Люсый ставит «Очерки Крыма» рядом с «Севастопольскими рассказами» Л. Н. Толстого [2, с. 113].

Действительно, с 1862 по весну 1870 г. Марков занимал пост директора симферопольской гимназии и, курируя вопрос об организации народных училищ, объездил полуостров вдоль и поперёк, вникая в проблемы не только педагогической сферы. Несогласие с позицией министра образования Д. А. Толстого привело Евгения Львовича к желанию просить отставку, но летом 1870-го он откликнулся на предложение заняться организацией дел учительской семинарии на территории Кубанского казачьего войска. Поездки по городам и станицам (Пятигорск, Екатеринодар, Темрюк, Полтавская) в поисках помещения, сколько-нибудь пригодного для проведения занятий и расселения минимального состава учителей, показали, – увы! – силу чиновничьего произвола и волокиты, в которой вязнет всякое живое начинание. Неудача окончательно закрепила решение Евгения Львовича покинуть учительскую стезю. Описывая обстоятельства первого знакомства Е. Л. Маркова с Кубанью, А. И. Слущкий подчеркнул, что в «Очерках Кавказа» ни словом не упомянуто о мытарствах, пережитых автором в августе – ноябре 1870-го [8].

Одушевляющие эту книгу установки на справедливость исторического пути, который ведёт к добрососедству, сотрудничеству и культурному взаимообогащению народов, не могут быть поколеблены мелкими обидами или временными неудачами. По искренности изложения и верности просвещённому духу позиция Е. Л. Маркова находится в русле, проложенном «Записками русского путешественника» Н. М. Карамзина, «Путешествием в Арзрум» А. С. Пушкина, кавказской прозой М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого («Хаджи Мурат», «Рубка леса» и др.). Именно Марков стал первым литературным критиком, воздавшем должное первой кавказской повести Толстого, на что справедливо указывает С. А. Венгеров: «Ему можно вменить в серьёзную заслугу статью о “Кзаках” Толстого. Это великое произведение в свое время (1865) прошло почти незамеченным: один только Марков по достоинству оценил всю его глубину» [1, с. 660].

В «Очерках Кавказа» запечатлено бытование культурных форм, которых нам, потомкам 130-летней давности, не пришлось видеть воочию. По окрашенности идей книга соответствует тому этапу эволюции представлений о российско-кавказском культурном диалоге, на

котором уже были преодолены идеи народничества и теория малых дел, а теория классовых противоборств еще не довела столь категорично, как после революции 1905 года.

Основным критерием доброкачественности продуманных и вдохновенно выраженных Е. Л. Марковым культурных установок, на

наш взгляд, является то, что они направлены на органическое развитие национальных традиций не в ущерб ни одной из них. Эта линия как красочный и живой штрих, отнюдь не лишней в палитре этнопсихологии, привлекательна в плане реального паритета взаимодействующих культур.

Использованная литература:

1. Венгеров С. А. Марков Евгений Львович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VIIIА. СПб. С. 659–660
2. Люсый А. П. Крымский текст русской культуры и проблема мифологического контекста: дис. ... канд. культурол. наук. Москва, 2003. [Электронный ресурс] // URL: <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002332704#> (дата обращения 20.07.16).
3. Марков Е. Л. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. Нальчик: ООО «Полиграфсервис и Т», 2011.
4. Марков Е. Л. Очерки Кавказа: Картины кавказской жизни, природы и истории. СПб.-М.: Тип. Товарищества М. О. Вольф, 1887.
5. Марков Е. Л. Очерки Крыма. Картины крымской жизни, природы и истории. Симферополь: Таврия, 1995.
6. Марков Евгений Львович [Электронный ресурс] // Википедия: свободная энциклопедия. URL://<http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения 20.07.16).
7. Розанов В. В. Памяти Е. Л. Маркова // Новое время. 1903. 19 мар. № 9714. С. 2.
8. Слуцкий А. И. Кубанская страничка из жизни русского писателя Евгения Львовича Маркова // Журналистика: историко-литературный контекст. Вып. 1. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1999. С. 159-168.
9. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма. Т. XI. М.: Наука, 1982. С. 127.

References:

1. Vengerov, S. A., Markov Evgeniy L'vovich (Evgeny L. Markov), in *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona*, vol. 8A, Saint Petersburg, pp. 659-660
2. Lyusyy, A. P., *Krymskiy tekst russkoy kul'tury i problema mifologicheskogo konteksta* (Crimean Text of Russian Culture and the Problem of the Mythological Context): *Cand. Sci. Dissretation (Culturology)*, Moscow, 2003. <http://dlib.rsl.ru/viewer/01002332704#>. Accessed 20 July, 2016.
3. Markov, E. L., *Ocherki Kavkaza: Kartiny kavkazskoy zhizni, prirody i istorii* (Essays on the Caucasus: Pictures of Caucasian Life, Nature and History), Nal'chik: Poligrafservis i T, 2011.
4. Markov, E. L., *Ocherki Kavkaza: Kartiny kavkazskoy zhizni, prirody i istorii*, Saint Petersburg.-Moscow: Tip. Tovarishchestva M. O. Vol'f, 1887.
5. Markov, E. L., *Ocherki Kryma. Kartiny krymskoy zhizni, prirody i istorii* (Essays on the Caucasus: Pictures of Caucasian Life, Nature and History), Simferopol': Tavriya, 1995.
6. Markov Evgeniy L'vovich (Evgeny L. Markov), in *Wikipedia: svobodnaya entsiklopediya*. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B0%D1%80%D0%BA%D0%BE%D0%B2.%D0%95%D0%B2%D0%B3%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B9.%D0%9B%D1%8C%D0%B2%D0%BE%D0%B2%D0%B8%D1%87>. Accessed 20 July, 2016.
7. Rozanov, V. V., Pamyati E. L. Markova (In Memory of Evgeny L. Markov), *Novoe vremya*, Mart 19, 1903. no. 971, p. 2.
8. Slutskiy, A. I., Kubanskaya stranichka iz zhizni russkogo pisatelya Evgeniya L'vovicha Markova (The Kuban Page from the Life of the Russian Writer Evgeny L. Markov), *Zhurnalistika: istoriko-literaturnyy kontekst*, no. 1. Krasnodar: Izdatel'stvo Kubanskogo Gosudarstvennogo universiteta, 1999, pp. 159-168.
9. Chekhov, A. P., *Polnoe sobranie sochineniy i pisem* (Complete Works and Letters): in 30 vols., Letters, vol. 11, Moscow: Nauka, 1982, p. 127.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Третьякова, Е. Ю. Межкультурные установки «Очерков Кавказа» Е. Л. Маркова [Электронный ресурс] / Е. Ю. Третьякова, О. В. Спачиль // Наследие веков. – 2017. – № 1. – С. 51-55. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/04/2017_1_Tretyakova_Spachil.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Tretyakova, E. Yu. and Spachil, O. V., *Mezhkul'turnye ustanovki «Ocherkov Kavkaza» E. L. Markova* (Intercultural Attitudes of «Essays on the Caucasus» by Evgeny L. Markov), *Nasledie Vekov*, 2017, no. 7, pp. 51-55. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/04/2017_1_Tretyakova_Spachil.pdf. Accessed Month DD, YYYY.